

Наталья Демичева. Специфика редакций «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород»	231
Алина Алексеева. Косинская редакция Жития Моисея, архиепископа Новгородского	241
Михаил Люстров, Андрей Люстров. Северные петиметры, или Позволительно ли воспитанному юноше посещать Париж?	258
Алина Бодрова. К истории замысла и текста пушкинских «Бесов»	266
Александр Кобринский. Вольф Эрлих и Николай Ильин (Нилли): вакханты и ивановский подтекст	286
Александра Пахомова. Константин Вагинов в Ленинградском Союзе поэтов	303
Варвара Васильева. Рассказ С. Д. Кржижановского «Квадратурин»: к вопросу о «коммунальном тексте» русской литературы	317
Виктор Димитриев. «Рассеянная» память в прозе В. С. Варшавского 1920–1930-х годов	325
Елена Кочегарова. Перевод как интерпретация («Три сестры» А. П. Чехова на испанском языке)	339

Тираж 500 экз.

2016 XII (3)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2016 (3)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
<http://schoolssummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2307-5945 = Letná škola

© Авторы статей, 2016

© «Летняя школа по русской литературе», 2016

Информация об авторах

Наталья Демичева, студентка Московского государственного университета, Москва, Россия
natadem@bk.ru

Алина Алексева, студентка Московского государственного университета, Москва, Россия
alevtina.sergeevna@gmail.com

Михаил Люстров, доктор филологических наук, профессор РАН, и. о. заведующего отделом древнеславянских литератур Института мировой литературы РАН, Москва, Россия
mlustrov@mail.ru

Андрей Люстров, учащийся школы № 1210 г. Москвы, Москва, Россия
almlamalm@mail.ru

Алина Бодрова, кандидат филологических наук, старший преподаватель национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
allinnbod@gmail.com

Александр Кобринский, доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
444-44-4@list.ru

Александра Пахомова, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
alexandrit_94@mail.ru

Варвара Васильева, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
arbenin_pechorin@mail.ru

Виктор Димитриев, аспирант Института русской литературы РАН, Санкт-Петербург, Россия
ganthenbein@gmail.com

Елена Кочегарова, студентка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
kochegarovaes@gmail.com

МИХАИЛ ЛЮСТРОВ, АНДРЕЙ ЛЮСТРОВ
(Москва)

СЕВЕРНЫЕ ПЕТИМЕТРЫ, ИЛИ ПОЗВОЛИТЕЛЬНО ЛИ ВОСПИТАННОМУ ЮНОШЕ ПОСЕЩАТЬ ПАРИЖ?

В статье рассматриваются русские и скандинавские комедии XVIII века, повествующие о юноше, возвратившемся на родину из Парижа, проводится сравнительный анализ русских и шведских переделок пьесы Л. де Буасси «Француз в Лондоне».

Ключевые слова: Л. Хольберг, Л. Буасси, Д. Фонвизин, К. Гюлленборг, русская литература XVIII века, шведская литература XVIII века, датская литература XVIII века.

This article focuses on Russian and Scandinavian comedies of the XVIII century, which tell us about a young man who has returned home from Paris. The article presents a comparative analysis of Russian and Swedish play reworks of L. de Boissy "Le François à Londres".

Key words: L. Holberg, L. Boissy, D. Fonvizin, C. Gyllenberg, Russian literature of the XVIII century, Swedish literature of the XVIII century, Danish literature of the XVIII century.

К числу наиболее известных европейских комедий XVIII века, направленных против поразившей континент болезни галломании, относится, безусловно, пьеса датского драматурга и моралиста Л. Хольберга «Жан де Франс» («Jean de France eller Hans Frandsen», 1722). В ней повествуется о молодом датчанине Хансе, вернувшемся на родину из Парижа, удивляющемся ничтожеству своего отечества и по этой причине не желающем жениться на местной добродетельной девушке Элизабет, брак с которой был согласован до его отъезда из Дании. Элизабет же поражается нелепости глупого петиметра и предпочитает ему добродетельного юношу Антония. Точно так же в восходящей, в том числе, к «Жану де Франсу» комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» украшенная всевозможными добродетелями девушка Софья презирает назначенного ей в женихи гал-

ломана Иванушку и отдает свое сердце безупречному Добролюбову.

С точки зрения галломана и почитающего его окружения, важнейшим показателем полноценности молодого человека является пребывание в Париже, но для Антония и Добролюбова подобные поездки никакой ценности не представляют, и на это обстоятельство в тексте комедий указывается прямо. Так, выигравший процесс и ставший состоятельным помещиком Добролюбов специально подчеркивает, что в Париже никогда не бывал: «*Советник*. Две тысячи душ! О создатель мой, господи! И при твоих достоинствах! Ах, как же ты теперь почтения достоин! *Советница*. Да не были ли вы притом и в Париже? *Добролюбов*. Нет, сударыня». ¹ Естественно, отношение к Парижу серьезных людей и ветрениц-галломанок оказывается диаметрально противоположным. Услышав ответ Добролюбова, Советница произносит: «Жаль. Это одно все мериты помрачить может», — а ее предшественница Жилетта, героиня переведенной В. К. Третьяковским итальянской «интермедии на музыку» «Муж ревнивый», полагает, что «кто не видал Парижа, не видал ничего в свете, в Париже все хорошо, все приятно: дамы, любовники, платье новомодное, фонтанжи, перюки и епанчи, музыка и танцы, деньги в изобилии, наконец воздух, земля и вода...» ²

Иначе говоря, сам факт пребывания героя в Париже становится важнейшей его характеристикой. Добродетельный юноша должен не посетить Париж и, избежав всех его соблазнов, вернуться образованным и повидавшим мир человеком, но никогда не въезжать в пределы Франции. Как и в пьесах Хольберга и Фонвизина, в последней, по мнению П. Н. Беркова, русской комедии, посвященной этой теме, в «Воспитании» Д. Волкова (1774), добродетельная девица Софья отдает предпочтение отважному «полковнику и дальнему родственнику» Добромыслу и отвергает только что

¹ *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 80–81.

² Муж ревнивой. Интермедия на музыку. СПб., 1734. С. 3. Перепечатано в: *Перетц В. Н.* Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе имп. Анны Иоанновны в 1733–1735 гг. Пг., 1917. С. 237–246.

вернувшегося из Парижа «безмозглого ветреницу» молодого Махалова. Как и Добролюбов, в Париже полковник не бывал, он только что вернулся с турецкой войны, и поэтому вопрос, волнующий Советницу, в этой комедии не задается. В известном же П. Н. Беркову списке 1780-х годов комедии «Русский француз» пребывание в Париже упущением не считается: по словам исследователя, «основная идея комедии — не отрицать значение путешествий в Париж, а доказать их целесообразность, когда они предпринимаются с серьезными намерениями и приносят пользу родной стране».¹ На это обстоятельство указывают слова отца героини, обращенные к одному из возвратившихся из Франции русских дворян — Благоразумову: «А вы меня научили тому, что ничто не равняется с таким молодым человеком, который с великою пользою для своего отечества путешествовал».²

В самом деле, это признание вступает в некоторое противоречие со сформировавшимся представлением о пагубности подобных поездок и является новым этапом освоения указанной темы. Например, в напечатанных в новиковском «Трутне» «Сатирических ведомостях» (1769) помещен следующий хорошо известный пассаж: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».³ Примечательно, что в «Воспитании» молодой Махалов был представлен будущему тестю как разумный человек, который «поехал в чужие края для совершения наук и воспитания»,⁴ но на поверку он оказался той самой свиньей, о которой сказано в «Трутне».

Кажется, в «Русском французе» формулируется новое отношение к европейским путешествиям молодых русских дворян. Но это отношение уживается с представлениями весьма традиционными: другой возвратившийся из Парижа

¹ Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 115.

² Цит. по: Там же.

³ Трутень. 1769. Июнь. С. 45–46.

⁴ Волков Д. Воспитание. Комедия в пяти действиях. Сочинена в 1774 году. [М., 1774]. С. 14.

герой комедии, граф Пусторечин, оказывается классическим петиметром, тем самым пустым щеголем, о которых Л. Хольберг в своей переведенной на русский язык эпистоле «О петиметрах» говорит как о точных копиях петиметров французских.¹ По мнению русского автора, путешествие во Францию может быть вредным или полезным в зависимости от того, каким характером обладает предпринимающий его юноша.

Примечательно, что эта мысль высказывается не в оригинальной русской комедии и не в переделке пьесы европейского автора, подобно Хольбергу защищающего свое отечество от галломании. В диссертационном исследовании А. Евстратова «Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-х — начале 1770-х годов»² отмечается, что «Русский француз» является переработкой французской комедии Л. де Буасси «Француз в Лондоне» («Le François à Londres», 1727; на русский язык комедия была переведена П. И. Вельяшевой-Волинцевой и в 1782 году издана в Москве под новым названием «Французы в Лондоне», приведенные ниже цитаты заимствованы из этого русского издания). Во французской пьесе два кузена-француза, маркиз и барон Полинвили, живут в Лондоне и добиваются руки добродетельной английской вдовы. В результате самовлюбленный маркиз — петиметр получает отказ и со словами: «Прощайте, мадам, вы наказаны больше, чем я. Вы меня любите, а я ухожу» («Adieu, Madame, vous êtes plus punie que moi. Vous m'aimez et je pars») — покидает сцену, в то время как добродетельный барон признается отцом вдовы милордом Крафтом достойным руки его дочери.³ Таким образом, по мысли французского комедиографа, среди его соотечественников встречаются люди разумные и достойные (равно как среди англичан — люди вежливые и любезные). «Вы француз, но вы рассудительны» («Vous êtes François et

¹ См.: *Holbergs L. Samlede Skrifter*. København, 1939. Bd 16. S. 198–199; Из Гольберговых писем // Трудолюбивая пчела. СПб., 1759. Декабрь.

² *Евстратов А. Г.* Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-х — начале 1770-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

³ *Boissy L. de.* Le françois à Londres, comedie par Mr. De Boissy. Paris, 1757. P. 56.

vous êtes raisonnable»), — говорит французскому барону Полинвиллю английский милорд Крафт.¹

В «Русском французе» посетившие Лондон французы превращаются в вернувшихся из Парижа русских, но характеры главных героев остаются неизменными: маркиз Полинвиль становится графом Пусторечинным, а барон Полинвиль дворянином Благоразумовым. По мнению русского автора, из Парижа приезжают не только петиметры Иванушки, но и разумные юноши, подобные Добролюбову; при этом сама необходимость ввести в пьесу героя, побывавшего во Франции и не поддавшегося соблазнам тамошней жизни, объясняется близостью русской комедии к пьесе Буасси. Для не ориентировавшегося же на Буасси Фонвизина, как и для Хольберга, настоящий Добролюбов в Париже быть не должен и о поездке туда даже не помышляет.

Иными словами, если французские, датские или русские петиметры во всех национальных комедиях выглядят одинаково и, что подчеркивают авторы, прославляют оставленный ими Париж, то о позволительности для добродетельного юноши посетить французскую столицу русские комедиографы придерживаются полярных мнений Хольберга или Буасси. Возникает вопрос, может ли декларированная Фонвизиним идея о непозволительности посещения Парижа найти отражение в переделке комедии Буасси? Может ли герой, подобный барону Полинвиллю из «Француза в Лондоне», ставить под сомнение необходимость пребывания в Париже?

Русский материал XVIII века таких примеров, кажется, не дает. Обнаружить их можно, расширив круг сочинений северных авторов, пишущих, соответственно, о «наших северных петиметрах» (так эту категорию галломанов называет в упоминавшейся эпистоле Л. Хольберг).² Необычным образом поставленная проблема решается в комедии «Шведский щеголь» («Svenska sprätthöken», 1737) шведского аристократа, одного из руководителей профранцузски ориентированной партии «шляп», дяди упомянутого в Записках

¹ Ibid. P. 51.

² Holbergs L. Samlede Skrifter. S. 197.

Екатерины II Хеннинга Адольфа Гюлленборга Карла Гюлленборга. Об ориентации на комедию Буасси Гюлленборг объявляет в предисловии к своей пьесе и задолго до появления «Русского француза» превращает героев-французов в своих единоземцев: маркиз Полинвиль становится графом Хюртигом, а барон Полинвиль — бароном же Стадигом. Имя первого указывает на ветреность и живость, второго — на постоянство и надежность.

Подобно русскому дворянину Благоразумову, шведский барон Стадиг вернулся в отечество из Парижа, но, в отличие от русского автора, о пользе его пребывания во Франции Гюлленборг не говорит ни слова. Отношение шведского драматурга к этой проблеме выявить довольно сложно. С одной стороны, на протяжении всей пьесы барон Стадиг повторяет, что его поездка не удалась: узнав о смерти отца, он был вынужден сразу же вернуться в Швецию, Францию практически не видел и расспрашивает о ней у проживавшего там графа Хюртига. По Гюлленборгу, для благородного юноши пребывание в Париже небезопасно, но в переделке комедии Буасси, где прототип шведского барона в Париже не только проживал, но и родился, избежать упоминания его путешествия во французскую столицу и при этом не утратить связь с источником было бы невозможно. С другой стороны, целью своей поездки барон Стадиг называет желание получить приличное образование за границей, и, естественно, отправляется во Францию. Не случайно Р. Карлссон, автор монографии, посвященной шведско-французским литературным отношениям в XVIII веке, говорит о «золотой середине» барона Стадига — его готовности заимствовать все лучшее у французов, но при этом сохранить шведские добродетели.¹

По словам безупречного барона Стадига, возможность посетить Париж он получает потому, что в настоящее время Швеция не ведет войны ни с одним из сопредельных государств, и он не должен служить отечеству с оружием в руках.

¹ *Karlsson R. Svensk-franska förhandlingar. Bland sprätthökar och franska flugor i svenskt 1700-tal. Linköping, 2007. S. 37 (Linköping Studies in Arts and Science nr. 398 / Studies in Language and Culture nr. 9).*

Аналогичная ситуация возникает в комедии Волкова «Воспитание», где бравый полковник Добромysl из-за войны с турками не мог оказаться в Париже даже теоретически. В том же направлении рассуждает и фонвизинский Бригадир: по его мнению, по вине Бригадирши Иванушку не отправили в полк и потому не смогли спасти от пагубного французского влияния. Надо понимать, вредному для молодого человека пребыванию в Париже шведские и русские авторы противопоставляют честное исполнение воинского долга. Правда, во-первых, в отличие от Гюлленборга и Волкова, Фонвизин, во-первых, героя, транслирующего эту мысль, безусловно положительным не считает (чем вызывает раздражение Д. Волкова), во-вторых, Бригадир противопоставляя пребыванию в Париже военную службу, об участии Иванушки в войне не говорит ни слова. И все-таки избежавший отправки в полк и побывавший в Париже Иванушка оказывается перед тем же выбором, что и герои Гюлленборга и Волкова.

Как показывает материал, появление в комедиях северных авторов XVIII века побывавшего во Франции добродетельного дворянина объясняется влиянием комедии Л. де Буасси «Француз в Лондоне», и в разных ее переделках посещение героем Парижа оценивается по-разному. Если в комедии «Русский француз» проводится мысль о несомненной пользе таких путешествий, то в «Шведском щеголе» зрителю время от времени напоминают, что барон Стадиг находился во Франции так недолго, что назвать его визит в Париж пребыванием было бы сильным преувеличением. Кажется, в «Шведском щеголе» вопрос о допустимости посещения добродетельным юношей полной соблазнов Франции до конца не решен, однако в ней предпринята попытка «примирить» оправдывающего французов Буасси и беспощадного к спешащим в Париж европейским провинциалам Хольберга. Анализ неизвестной русскому читателю европейской переделки «Француза в Лондоне» позволяет обнаружить отсутствовавший в русской комедиографии XVIII века способ решения указанной проблемы. Привлечение с этой целью шведского текста дает возможность сфокусировать внимание на творчестве драматургов лишь североευропейских стран — Дании, Швеции и России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977.
2. Волков Д. Воспитание. Комедия в пяти действиях. Сочинена в 1774 году. [М., 1774].
3. Евстратов А. Г. Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-х — начале 1770-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.
4. Из Гольберговых писем // Трудолюбивая пчела. СПб., 1759. Декабрь.
5. Муж ревнивой. Интермедия на музыке // Перетц В. Н. Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе имп. Анны Иоанновны в 1733–1735 гг. Пг., 1917. С. 237–246.
6. Муж ревнивой. Интермедия на музыке. СПб., 1734.
7. Трутень. 1769. Июнь. С. 45–46.
8. Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959.
9. Boissy L. de. Le françois à Londres, comedie par Mr. De Boissy. Paris, 1757.
10. Holbergs L. Samlede Skrifter. Kjøbenhavn, 1939. Bd 16.
11. Karlsson R. Svensk-franska förhandlingar. Bland sprätthökar och franska flugor i svenskt 1700-tal. Linköping, 2007 (Linköping Studies in Arts and Science nr. 398 / Studies in Language and Culture nr. 9).